

А. А. Пономарева

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

***Наблюдатель как сюжетная позиция
в поэзии и прозе Н. Д. Хвоцинской***

Проанализировано явление, характерное для поэзии и прозы Н. Д. Хвоцинской, – актуализация фигуры наблюдателя в сюжете. В работе показано, что стихотворения писательницы имеют микросюжеты, центр которых составляет лирическая героиня, наблюдающая за чужой жизнью. Поэтическая разработка этого сюжетного положения отличается эклектичностью. Мотивная тема развивается с помощью романтических и натуралистических клише: с одной стороны, воспроизводятся романтическая ситуация отчуждения от общества, элегические мотивы воспоминания, утраты и др.; с другой – актуализируются тема влияния среды на личность, идея полезного труда и др. В работе установлено, что сюжетное положение, сформировавшееся в поэзии, в период расцвета «беллетристического таланта» писательницы органично вошло в прозу. В этом аспекте подробно проанализирован рассказ «За стеною», опубликованный в «Отечественных записках» в 1862 г. Исследование показало, что при прозаическом «переложении» сохранилась основная мотивная тема: процесс наблюдения дает возможность прожить чужую жизнь. Актуализация поэтического начала в прозаическом сюжете привела к ослаблению фабульности, погашению социальной составляющей, связанной с вопросом женской эмансипации, психологизации повествования.

Ключевые слова: Н. Д. Хвоцинская, рассказ «За стеною», взаимодействие поэзии и прозы, мотив наблюдения, беллетристика, середина XIX века, женская эмансипация.

Н. Д. Хвоцинская (литературный псевдоним – В. Крестовский) – известная беллетристка и критик второй половины XIX в., по мнению современников, «первая русская писательница» [Зотов, 1889, с. 103], с произведениями которой должен познакомиться «всякий русский человек» (цит. по: [Тыминский, 1997, с. 4]), – не обделена вниманием литературоведов. Как правило, объектом исследований становятся ее крупные прозаические произведения (такие, как «Пансионерка», «Баритон», «Встреча», «Большая медведица» и др.) и критические статьи (см. [Тыминский, 1997; Строганова, 2006; Лукашевич, 2011] и др.). Однако Н. Д. Хвоцинская также была автором ряда стихотворений, опубликованных в самых разных периодических изданиях: от «Пантеона» и «Иллюстрации» до «Москвитянина» и «Отечественных записок». Эта часть ее наследия не только не исследована, но и, по существу, мало известна литературоведам: в отличие от прозаических

Пономарева Анастасия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)

произведений, стихотворения не были включены в прижизненные собрания сочинений писательницы и только выборочно вошли в сборник «Поэты 1840–1850-х годов»¹.

Литературная карьера Н. Д. Хвоцинской складывалась так же, как и у многих других литераторов этого времени: в 1847 г. дебютировав как поэтесса, она полностью порывает с поэзией к концу 1850-х гг. и пишет дальше только прозу. Этот переход отчасти может быть объяснен непозитичностью середины XIX в. Как известно, начиная с 1830-х гг., главенствующее положение стала занимать проза, «толстые» журналы мало публиковали стихотворений, выпуск поэтических сборников утратил свою актуальность². Литературные критики в духе времени советовали писательнице выйти на «верный» путь: отказаться от поэзии и обратиться к прозе. Так, А. В. Дружинин отмечал, что Н. Д. Хвоцинская-поэтесса принадлежит к числу «гладких» поэтов, маскирующих безмыслие и однообразие тематики, ограниченной кругом элегических переживаний, «легкостью» рифм, и советовал ей иначе распорядиться своим талантом:

Г-жа Хвоцинская – поэт, которому следует употребить свой поэтический дар на что угодно – на прозу, на драмы, на выписки из книг, на романы, но только не на составление стихотворений <...> Для нее поэтический элемент и способность излагать свои мысли картинно, сжато – ничто иное, как пособие, как залог будущих успехов на другой дороге³.

Нельзя сказать, что А. В. Дружинин недооценил поэзию Н. Д. Хвоцинской. Критик точно подметил «вторичность» ее поэтических опытов (романтизированность стилистики и сюжетики⁴), при этом отметил то новое, что выделило писательницу из ряда эпигонов, – искренность чувств.

На первый взгляд кажется, что Н. Д. Хвоцинская, прислушавшись к советам более опытных литераторов, действительно свернула с ложного пути, обратив внимание на прозу⁵. Однако одновременно с прозаическими произведениями продолжали выходить и стихотворения (в середине XIX в. в печати появилось около 60 стихотворений). Таким образом, переход Н. Д. Хвоцинской от поэзии к прозе не был простым разрывом. В этот период проза естественно «произрастала» из поэзии. Далее рассмотрим явление, характерное и для поэзии, и для прозы писательницы, – актуализацию фигуры наблюдателя в сюжете.

¹ По признанию В. Р. Зотова, за 12 лет (с 1846 по 1857 г.) он получил от Н. Д. Хвоцинской порядка 120 стихотворений, из которых в печати появилась только половина [Зотов, 1889, с. 558].

² По замечанию А. И. Рейтבלата, публикация прозы с экономической точки зрения была более выгодной [2009].

³ Дружинин А. В. Письма Иногороднего Подписчика о русской литературе. 1854. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения 31.10.2019).

⁴ А. В. Дружинин так писал об этом: «... все одна и та же довольно умная и довольно привлекательная, но однообразная песня о вечернем сумраке и шелесте иссохших ветвей, о душевном горе, о беспокойных ночах, о унылых мечтах, о напрасных слезах, о золотых днях, о синих небесах, и увы, о совершенно лишних стихотворных хлопотах!» (Дружинин А. В. Письма Иногороднего Подписчика...).

⁵ Если в 1850 г. Н. Д. Хвоцинская опубликовала два прозаических произведения (повести «Анна Михайловна» и «Дневник сельского учителя»), то начиная с 1852 г. их количество заметно увеличилось: «Еще год. Дневник сельского учителя» (1852), «Искушение» (1852), «Несколько летних дней» (1853), «Кто ж остался доволен?» (1853), «Испытание» (1854), «Фразы» (1855), «Последнее действие комедии» (1856), «Свободное время» (1856), «Из связки писем, брошенной в огонь» (1857), «Баритон» (1857), «Старое горе» (1858), «Братец» (1858), «Недописанная тетрадь» (1859) и др. См. подробный хронологический указатель произведений Н. Д. Хвоцинской: [Пономарев, 1891].

Стихотворения Н. Д. Хвоцинской имеют микросюжеты, центр которых составляет лирическая героиня, наблюдающая за чужой жизнью. Стилевая «разработка» сюжетного положения отличается эклектичностью: в одном ряду воспроизводятся романтические и натуралистические клише. Рассмотрим в этом аспекте стихотворение «Детский бал» (1848). Его лирический сюжет аллюзивно связан с лермонтовским «1-м января»:

Бал детский; дети все так милы; их наряд
Так свеж, в глазах отцов и матерей летят
Они под радостные звуки;
Но мне не смотрится <...>
[Поэты 1840–1850-х годов, 1972, с. 261] ⁶.

Как и в «1-м января», в «Детском бале» лирическая героиня отчуждена от светского общества. Чужая жизнь, за которой она наблюдает, представляется ей пустой, бездушной и бессмысленной. Романтические формулы используются, однако, с новой задачей – для раскрытия натуралистической проблематики. Лирическая героиня размышляет по поводу того, что участники бала, дети, получают неправильное воспитание под влиянием среды. На их лицах видна усталость, пресыщение, коварство, развращенность и другие пороки, свойственные родителям. Взгляд наблюдателя обращается не в прошлое, а в будущее – дети, мелькающие в танцах, не смогут принести пользу обществу:

...А в будущем что
Вы для них готовите? Страсть сплетен, страх молвы,
Холодность, скуку, отупление,
Заботу вечную о вычурах смешных,
Способность не щадить ни ближних, ни родных
Из мести иль для развлечения...

Им дружба не простит их ложного стыда
Их ручки белые не тронут никогда
Язв наших страшных и глубоких...
(с. 263).

В «Детском бале» использован тот же ход, что и в стихотворении М. Ю. Лермонтова. Жизни, полной блестящих событий, противопоставлена бессобытийная жизнь лирической героини. Ситуация наблюдения, балансирующая в лермонтовском «1-м января» на грани мечты и воспоминания, сводится здесь к рефлексии. В более раннем стихотворении «Есть дни...» лирическая героиня отказывалась считать такое состояние полноценной жизнью (ср. «И нет забот тревоги настоящей, / И незаметно жизнь вокруг идет» (с. 261)). Жизнь, лишенная внешних событий, метафорично называлась печальным сном. В «Детском бале» оценка изменяется. Жизнь наблюдателя оказывается более ценной, чем жизнь света. Особое значение приобретает ситуация наблюдения-рефлексии: именно в этот момент лирическая героиня пробуждается к жизни.

Семантически близкую «разработку» в лирике Н. Д. Хвоцинской получает еще одно сюжетное положение, связанное с наблюдением: созерцание природы. В стихотворении «Не могу я приняться за дело...» (1851), в отличие от более ранних поэтических опытов, вводится значимый пространственный образ, акцентирующий процесс наблюдения, – окно комнаты, приковывающее взгляд лирической героини. Осенняя природа представляется полной жизни и движения. Для того чтобы подчеркнуть ее динамичность, писательница пытается создать переходное время суток – границу между вечером и ночью:

⁶ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Не могу я приняться за дело;
Меня тусклое манит окно.
Все смотрела б я, долго б смотрела.
В небе вместе светло и темно.
Из-за облака *месяц всплывает,*
В обнаженных ветвях ветр шумит
(с. 265; курсив наш. – А. П.).

Как и в «Детском бале», здесь момент наблюдения за жизнью природы совпадает с «пробуждением» лирической героини: она погружается в состояние, колеблющееся между мечтой и воспоминанием (ср. «Кто-то тихо душе говорит; / Вспоминается прошлое, слабо / Настоящее борется в ней...» (с. 265)). Причем такого рода состояние в другом стихотворении Н. Д. Хвоцинской – «Есть дни...» – свидетельствовало о творческом озарении лирической героини. Внешне пробуждение наблюдателя не маркировано, сопровождается выраженным бездействием (ср.: «Не могу я приняться за дело» (с. 265)).

В целом ряде стихотворений Н. Д. Хвоцинской чужая жизнь, за которой наблюдает лирическая героиня, не только лишается отрицательных коннотаций, но и представляется абсолютно счастливой. С наблюдателем, напротив, связывается мотив утраченных надежд. В стихотворении «Нет, я не назову обманом...» (1851):

Над морем жизни нет тумана:
Все видно на прозрачном дне.
В то море – в думе, и гадая, –
Руки не опускала я
И перлов не искала, зная,
Что перлы те не для меня.
Покорно, безответно ими
Я любовалась на другой
(с. 266–267).

Разработка этого мотива усложняется в стихотворении «Шумит осенний дождь...» (1854). Оно особенно близко с «Не могу я приняться за дело...». Здесь, как и в более раннем стихотворении, делается акцент на взаимосвязи «жизни» природы и лирической героини. Постепенное наступление ночи и усиление непогоды пробуждает ее к жизни. Она также погружается в воспоминание. Интересно, что этот процесс сравнивается с подглядыванием в окно:

...Мелькают и проходят
В тумане образы минувшего давно.

На что мне их? Хоть в них все живо, все знакомо,
Хотя из жизни их я помню каждый час,
Но что заглядывать на праздник в окна дома,
Откуда так давно прогнали нас
(с. 268).

«Отстраненность» от своей прошедшей жизни – характерный мотив лирики Н. Д. Хвоцинской. Он задан в одном из первых стихотворений – «Есть дни...». В нем лирическая героиня признавалась, что мысль, облеченная в слово в момент воспоминания, не может быть признана своей (ср.: «Все ж этих слов, опомнясь от забвенья, / Душа тогда своими не зовет» (с. 261)). Причина состоит в том, что картины прошлого творчески «обработаны» памятью: прошлое-в-настоящем в результате не тождественно объективному прошлому. Метафора чужой жизни как праздника, актуализированная в стихотворении, встречалась в «Детском бале». Однако в этом случае она получает не отрицательные, а положительные кон-

нотации. Наблюдатель отвергает такие характеристики: праздник – пустота, суета, шум и, напротив, утверждает, что с ним связаны минуты случайного счастья.

Таким образом, в стихотворениях Н. Д. Хвоцинской фигура наблюдателя составляет семантический центр сюжета, определяет проблематику и мотивную структуру. Сюжетное положение, сформированное в поэзии, в период расцвета «беллетристического таланта» писательницы, естественно входит в прозу. В прозаических произведениях его лирический заряд чаще всего поглощается «фабульностью»: наблюдатель не только не отстраняется от внешних событий, но и активно вовлекается в них. Исключительной репрезентативностью в контексте рассматриваемой темы обладает рассказ «За стеною» (1862).

Суть фабулы рассказа может быть представлена следующим образом: рассказчик (литератор), приехав в Петербург по делам, заболевает и перестает выходить из квартиры, в результате этого он подслушивает чужую любовную историю, которая разворачивается по соседству. Из разговоров, введущихся за стеной, он узнает, что к соседу приехала бывшая любовница (молодая вдова), для того чтобы предложить ему официальный брак. Герой отказывается от предложения, называя себя сторонником свободных отношений в любви. Он открыто говорит героине, что, уважая ее, не хочет прав над ней и не хочет сковывать ее свободу. Брак ему представляется «цепью», «веревкой», которой «перекручивают» людей и не дают им ступать «в разные стороны»: «Для негодяев – пугало брак ваш, честным людям довольно одного слова...» [Хвоцинская, 1862, с. 434–435]. Герой предлагает героине отказаться от законного брака и построить союз, основанный на «...прямом доверии на слово, как между честными людьми» [Там же]⁷. Оспаривая его слова, бывшая любовница разоблачает его, прямо указывая на то, что он старается прикрыть громкими словами истинную причину – боязнь потерять свободу: когда она ему наскучит, он не сможет покинуть ее из страха общественного скандала. Герой, в свою очередь, тоже обращает внимание на несоответствие слов и подлинных мотивов поведения героини. Пытаясь отстоять ценности патриархальных отношений, она произносит общие фразы в осуждение эмансипационной теории: героиня отмечает, что в союзе, основанном исключительно на доверии между супругами, женщина оказывается в роли любовницы, которую мужчина может оставить, как только она ему наскучит, что свободный союз – грех с точки зрения церкви. Герой, как ранее героиня, разоблачает ее, называя истинные причины, по которым она хочет выйти замуж: женщина настаивает на браке для того, чтобы иметь возможность бывать в свете. После ряда ссор влюбленные расстаются.

Сюжетная комбинация, выстроенная в рассказе, не отличается оригинальностью: аналогичное сочетание сюжетных ситуаций было частотно в беллетристике середины XIX в., затрагивавшей вопрос женской эмансипации. Особенность рассматриваемого варианта состоит в новой расстановке сюжетных акцентов: на первый план выдвигается рассказчик, наблюдающий за чужой жизнью. Это сюжетное положение представляет собой прозаическое переложение аналогичного поэтического. Причем интересно, что фабульно наблюдение разворачивается через ситуацию подслушивания, а не подглядывания.

Актуализация поэтического начала в прозаическом сюжете рассказа приводит к ослаблению «фабульности». Прошлое героев намечено пунктиром. Из диалогов,

⁷ Любопытно, что герой, настаивающий на постоянстве чувств и идеологических убеждений, предлагает героине остаться во временном жилье. Финальный диалог, в котором им так и не удается преодолеть разделяющую границу, заканчивается характерной с этой точки зрения репликой: «Послушай, – прервал он, – посмотри кругом; хорошо?.. Останься...» [Хвоцинская, 1862, с. 442]. При этом в рассказе многократно подчеркивается, что герой только временно занимает комнаты, они для него – не домашнее, «обжитое» пространство.

которые подслушивает рассказчик, становится известно то, что героиня состояла в неудачном браке, от которого у нее осталась дочь, и что у нее долгое время был любовник. Развитие событий, относящихся к настоящему, также вынесено за скобки. Герои бегло упоминают встречи и объяснения, которые происходят между ними в театрах, во время визитов. Конструктивным началом, формирующим прозаический сюжет, выступает рефлексия рассказчика. Чужая любовная история, невольным свидетелем которой он оказывается, выступает фоном его переживаний. Как и в лирике Н. Д. Хвощинской, в рассказе наблюдателем двигает желание приобщиться к чужому счастью, которого он лишен:

Я подслушивал: бессовестно... Подле меня было счастье; мне горько хотелось знать, по крайней мере, какое оно бывает... [Хвощинская, 1862, с. 421].

Невозможность личного счастья – основной предмет рефлексии рассказчика, как и лирической героини Н. Д. Хвощинской. В сюжете развивается мотив, заданный в раннем стихотворении писательницы «Есть дни...», в котором бессобытийность жизни субъекта сравнивалась с печальным сном. В прозаическом «переложении» драматизм поэтической ситуации усиливается: подчеркивается утрата рассказчиком основных ценностей жизни (дружбы, любви и др.):

Это были для меня какие-то особенно тяжелые дни; дела не ладились, люди выказывали себя гадко; было и сердечное горе. В жизни выдаются такие времена: все обрывается – и дорогие привязанности, и простые отношения; все уходит, точно хоронится, оставляя, казалось бы, пустоту, но в нее заглянуть больно; чувствуешь, знаешь, что это не пустота, а холодная тьма, где залегло навеки дорогое, теперь чужое для нас, мертвое; над головой висит точно тяжесть, становится душно, недостает воздуха... А тут еще, будто нарочно, будто на зло, обступают кругом неудачи, одолевает мелкая житейская дрянь <...> [Там же, с. 419].

В рассказе актуализируется еще одна важная составляющая лирического комплекса: как и лирическая героиня Н. Д. Хвощинской, рассказчик, ведущий жизнь, по существу, лишенную внешних событий, пробуждается в момент наблюдения за чужой жизнью. Он не просто подслушивает то, что происходит у соседа, но страстно переживает это. Восприятие чужой любовной истории балансирует на грани с воображением. Приведем один пример. Отчаяние героини, не заставшей своего возлюбленного, описано мелодраматично. Акцент сделан на звуковых деталях. Рассказчик слышит, как на стол, стоящий возле перегородки, падают руки героини, как она бьется головой, ее неудержимые с криком и дрожью рыдания, страстные поцелуи вещей и т. п. Постепенно повествовательная точка зрения изменяется. Описание строится так, как если бы рассказчик был в одном пространстве с героиней:

Она опомнилась, встала тихо, *медленно*; она *утомилась* или *покорилась*; она плакала тихо, как ребенок. Она *старалась оправиться, оглядеться*; опять стукнули шипцы на *грязной свечке*, зашуршали бумаги. Она писала: сначала тихо, плача, потом поспешно, *не оглядываясь*, и кончила вдруг; бювар хлопнул, сургуч зашипел [Там же, с. 429] (курсив мой. – А. П.).

Выделенные зрительные детали недоступны при аудиальном восприятии ситуации. Подслушивание визуализируется. Этот процесс обусловлен тем, что свидетель чужой любовной драмы проникается одним чувством с героиней, начинает воспринимать ее «оставленность» лично. Этому способствует тот факт, что он также пережил любовное предательство. Однако для рассказчика интерес представляет не столько конкретная вдова, приехавшая к своему любовнику, сколько связанный с ней абстрактный образ красивой и влюбленной женщины. В связи с этим характерен его отказ от любой точной информации о героине:

Я не мог отвязаться от мысли о приезжей гостье; я воображал ее и – еще страннее – нисколько не желал ее видеть, напротив, постарался бы избежать встречи с ней, если б могла представиться встреча <...> то, что я чувствовал, слушая, то, что заставляло меня ждать звука ее голоса за моей стеной – было не любопытство в смысле того, как интересуемся мы житьем наших ближних: это было любопытство чего-то отвлеченного; я даже не найду слова назвать его – эстетическое любопытство [Хвоцинская, 1862, с. 423].

Приобщаясь к истории соседей, рассказчик мысленно замещает роль возлюбленного героини. На ее первое появление в съемных комнатах он реагирует так, как будто она пришла к нему, а не к его соседу: ее приветствие представляется ему «светом в темноте» и заставляет подняться с кровати. Далее рассказчик начинает вести себя как влюбленный: он признается, что «...она сама становилась ему необходима», что он ждал ее с нетерпением. Ее приход радует больше его, чем реального возлюбленного. Услышав знакомый шелест платья, он с радостью бросается в нишу у перегородки (герой принимает возлюбленную в кабинете, смежном со спальней его соседа). В результате рассказчик оказывается третьим участником разворачивающейся истории. В рассказе встречаются характерные с этой точки зрения пространственные комментарии: «Мне показалось, что она пошла к двери. Нет. Она снимала бурнус и села на диване, подле меня» (т. е. возле рассказчика. – *А. П.*) [Там же, с. 431]. В воображении рассказчика выстраивается виртуальный любовный сюжет, который, в отличие от реального, имеет счастливое развитие. Мысленно исправляя ошибки соседа в любовных отношениях, рассказчик моделирует ситуацию так, как если бы он был ее участником:

Я услышал ее звонок; я его узнал. Ей отказали. Они, вероятно, виделись накануне вечером; она, вероятно, вспомнила поутру, что-нибудь недосказанное... Она думала о нем, просыпаясь <...>. Я воображал досаду соседа, когда он воротится и узнает, кто не застал его [Там же, с. 427].

Герой, в отличие от рассказчика, так не реагирует на известие о посещении героини и в дальнейшем начинает старательно ее избегать.

По мере развития виртуальной истории изменяется отношение рассказчика к герою, настоящему возлюбленному героини. До заочного знакомства герой вызывал раздражение у рассказчика. Он думал, что не служащий богатый петербуржец будет доставлять ему неудобство. Однако вскоре литератор не просто смирился с соседом, но стал чувствовать к нему симпатию, потому что у них нашлась общая страсть – музыка. Описывая свои мучения при мысли о том, что сосед – музыкант-любитель, компенсирующий недостаток таланта прилежностью, рассказчик признавался, что его опасения тотчас же рассеялись, как только тот заиграл:

Уткнувшись в корректуры и уверяя себя, что у меня потрясены все нервы, я вслушался в такие прелестнейшие звуки, что бросил все, ушел в спальню, слушал, забыв свою блажь, не думая ни о нескромности, ни о нервах. Сосед был замечательный артист; он уж казался мне отличным человеком: музыкой из меня можно все сделать [Там же, с. 418].

Далее рассказчик стал воспринимать соседа как соперника, недостойного, но более удачливого в любовных делах. Он признавался, что не дал бы ему бумаги для письма к возлюбленной, что хотел испортить ему репутацию, когда тот отказался принять героиню и т. д. Музыка, восхищавшая его, также начала вызывать раздражение.

Смещение сюжетного акцента с влюбленных на рассказчика, остро переживающего кризис чужой любовной истории, приводит к тому, что социальная составляющая сюжета, связанная с вопросом женской эмансипации, «погашается».

В центре внимания оказывается сложное психологическое состояние героев, в котором они вынуждены прибегать к общим местам актуальной социальной теории и ее критике, и рассказчика, для которого очевиден «механизм» любовной драмы: «разминование» влюбленных произошло не из-за разницы их взглядов на брак, а из-за слабости характеров.

Итак, в поэзии и прозе Н. Д. Хвошинской фигура наблюдателя приобретает важное сюжетное значение, организуя семантическое ядро сюжета. В поэтической и прозаической «разработке» сюжетного положения повторяется одна и та же мотивная тема: в процессе наблюдения перед лирической героиней и героем-рассказчиком открывается возможность прожить чужую жизнь. В поэзии эта тема развивается с помощью готовых романтических и натуралистических клише. В прозе она получает сложную «разработку». Выдвижение на первый план не героев, а наблюдателя, выключенного из фабульного действия, приводит к психологизации сюжета, смещению акцента с внешних событий на внутренние.

Список литературы

Дружинин А. В. Письма Иногороднего Подписчика о русской литературе. 1854. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения 31.10.2019).

Зотов В. Н. Д. Хвошинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 93–108.

Лукашевич М. Роман В. Крестовского (Надежды Хвошинской) «Баритон» на фоне литературной традиции изображения семинариста // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 7 (69). С. 133–146.

Пономарев С. И. Наши писательницы. СПб., 1891.

Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

Строганова Е. Н. «Прах и суета»: Женское творчество в оценках Надежды Хвошинской и ее современниц // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Е. Строгановой, Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.

Тыминский А. И. Поэтика прозы Н. Д. Хвошинской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 23 с.

[*Хвошинская Н. Д.*] В. Крестовский. За стеною // Отечественные записки. 1862. Т. 144. С. 416–442.

A. A. Ponomareva

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

The Observer as a Plot Position in the Poetry and Prose by N. D. Khvoshchinskaya

The article presents investigation the phenomenon, characteristic for poetry and prose by N. D. Khvoshchinskaya. It is actualization of the observer figure in the plot. The author determines poems by N. D. Khvoshchinskaya have stories micro-plots. The center is a lyrical heroine watching else's life. The poetic creation of this plot position is eclectic. The motif theme is developed with the help of romantic and naturalistic clichés. On the one hand, the author reproduces the romantic situation of social alienation, elegiac motives of memory, loss, etc. On the other

hand, the author actualizes the theme of the influence of the environment on the person, the idea of useful work, etc. The article shows the plot position, formed in poetry, organically entered into prose in the heyday of the “fiction talent” by writer. In prose works the lyrical component is absorbed by the plot. The observer is not only not removed from the events, but also actively involved in them. The article gives a thorough description of the story “Behind the wall” (1862). This story is exceptionally representative. The narrator watching the love story of his neighbors is brought to the fore. Fable observation is presented through a situation of listening, not peeping. The actualization of the poetic principle in the prose plot leads to the weakening of “fabulousness”. The constructive beginning, forming a prose plot, is the reflection of the narrator. Else’s love story is the background of his experiences. The shift of the plot emphasis from the lovers to the narrator leads to the fact that the social component of the plot, associated with the issue of female emancipation, is “extinguished”, there is a psychologization of the narrative. In conclusion that the figure of the observer in poetry and prose by N. D. Khvoshchinskaya has an important plot value, organizing the semantic core of the plot. In the poetic and prose versions of the plot position is repeated the same motif theme. In the process of observation before the lyrical heroine and the hero-narrator open the opportunity to live else’s life. The ways of its development differ in the poetry and prose by N. D. Khvoshchinskaya.

Keywords: N. D. Khvoshchinskaya, the story “Behind the wall”, the interaction of poetry and prose, the motif of observation, fiction, the middle of the 19th century, woman’s emancipation.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-24-32

References

Druzhinin A. V. Pis'ma Inogorodnego Podpischika o russkoy literature [Letters of Nonresident Subscriber about Russian Literature. 1854. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (accessed 31.10.2019). (in Russ.)

[Khvoshchinskaya N. D.] V. Krestovskiy. Za stenoyu [Behind the wall]. *Otechestvennye zapiski*, 1862, vol. 144, p. 416–442. (in Russ.)

Lukashevich M. Roman V. Krestovskogo (Nadezhdy Khvoshchinskoy) «Bariton» na fone literaturnoj traditsii izobrazheniya seminarista [“Baritone” by V. Krestovsky (Nadezhda Khvoschinskaya) against the Literary Tradition of Portraying the Seminarist]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, 2011, no. 7 (69), p. 133–146. (in Russ.)

Poety 1840–1850-kh godov [Poets of the 1840s and 1850s]. Leningrad, 1972. (in Russ.)

Ponomarev S. I. Nashi pisatel'nitsy [Our writers]. St. Petersburg, 1891. (in Russ.)

Rejtblat A. I. Ot Bovy k Balmontu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoj literatury [From Bova to Balmont. Other works of the historical sociology of Russian literature]. Moscow, 2009, 448 p. (in Russ.)

Stroganova E. N. «Prakh i sueta»: Zhenskoe tvorchestvo v otsenkakh Nadezhdy Khvoshchinskoy i ee sovremennits [“Dust and vanit”: Female creativity in estimates of Hope of Khvoschinskaya and her contemporaries]. *Zhenskij vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX – nachala XX veka* [Women’s challenge: Russian writers of 19th – early 20th century]. Tver, 2006, p. 120–137. (in Russ.)

Tyminskij A. I. Poetika prozy N. D. Khvoshchinskoy [Poetics of prose N. D. Khvoshchinskaya]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1997, 23 p. (in Russ.)

Zotov V. N. D. Khvoshchinskaya (Iz vospominanij starogo zhurnalista) [Khvoshchinskaya (From the memoirs of an old journalist)]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Herald], 1889, no. 10, p. 93–108. (in Russ.)

Anastasiya A. Ponomareva – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methodic of Investigation Literature, Chair of Institute of Philology, Mass Information and Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)